

Старый хоу Хэ жаждал наставить сына на путь истинный, но он и не подозревал, что в теле юноши уже давно живет душа, которой далеко не шестнадцать лет.

Сколько бы отец ни распинался, взывая к его благоразумию, молодой господин Хэ лишь лениво откинулся на спинку сиденья и с безучастным видом поковырял в ухе.

Хэ Наньфэн:

— ...

Исчерпав все красноречие и не добившись ни малейшего успеха, хоу понял: если Хэ Гу уперся, то ни гнев, ни крики не помогут. Оставалось только вздохнуть. Карета уже приближалась к воротам поместья Чанъян-хоу.

— Ладно... раз не слушаешь, то подумай хотя бы не о себе, а о чести нашего дома и о своей сестре... — Хэ Наньфэн замолчал и, понизив голос до шепота, добавил: — Ты что, наслушался слухов о том, что наследник престола может смениться... и потому решил приударить за Старшей принцессой?

До возвращения в столицу Хэ Гу был амбициозным юношей, чьи помыслы были устремлены к великим свершениям. Старый хоу до последнего не верил, что сын готов похоронить карьеру только из-за красоты принцессы. Он заподозрил, что малый задумал хитрый маневр: проложить себе путь к власти, став шурином будущего императора.

Ведь в империи Юэ, несмотря на строгие запреты для родственников императора вмешиваться в политику, на деле эти правила часто обходили. Было немало примеров «внешней родни», занимавшей важные посты — взять хотя бы Чэнь Юаньфу, министра чинов и родного брата обеих императриц.

— Каких слухов? — спросил Хэ Гу.

— Поговаривают, — ответил отец, — что наследный принц совершил оплошность и разгневал Государя, за что был заточен в Восточном дворце. Но раз Его Величество лишь ограничил его передвижения, значит, он всё еще надеется на его исправление. Несмотря на любовь Государя к нынешней императрице, он никогда не давал повода думать, что хочет сменить наследника. Принц прочно занимает свое место, и в девяти случаях из десяти именно он взойдет на престол.

— Да, первая императрица давно почила, и в этом плане принц уступает третьему принцу, у которого мать — хозяйка гарема. Потому недалекие люди в столице и болтают, что наследника вот-вот сместят. Но они не думают о главном: третий принц слаб здоровьем, не выносит северных холодов и с детства рос в Цзиньлине, вдали от отца. Разве может он тягаться со старшим сыном, которого Государь лично пестовал подле себя?

Хэ Наньфэн самодовольно покачивал головой, излагая сыну свои «тайные» соображения. Он так увлекся собственным красноречием, что не заметил, как странно смотрит на него Хэ Гу. Старый хоу умел «подставлять» сына — Хэ Гу слышал эти речи не впервые. В прошлой жизни именно из-за них он доверился принцу.

Пока отец продолжал разглагольствовать, он сам начал понемногу тревожиться.

— Шу-эр всего лишь женщина. Она мало смыслит в делах и, услышав звон, приняла его за истину. Вот и вбила себе в голову это сватовство...

Хэ Гу хотел было возразить, но промолчал. Неужели старик искренне верит, что Вань Шу-эр хочет сделать его фума просто ради того, чтобы поместье породнилось с императрицей и третьим принцем? Неужели он считает её добродетельной женой, пекущейся о благе семьи Хэ? Неужели, серьезно?

— Для такой наследной знати, как мы, — продолжал Хэ Наньфэн, — страшно не отсутствие подвигов, а наличие провинностей. Борьба за трон — дело коварное. Стоит один раз поставить не на того, и при новом императоре никакое былое богатство не спасет. Таких примеров история знает слишком много.

Закончив, он заметил, что Хэ Гу молчит. Губы молодого господина тронула едва заметная, ироничная усмешка.

— А вы думаете, отец, что если «не ошибиться дверью», то богатство удастся сохранить?

От этой неожиданной фразы Хэ Наньфэн опешил, не совсем понимая смысл сказанного. Карета остановилась у ворот. Хэ Гу, собираясь выходить, пригнулся, но на миг замер и обернулся к озадаченному отцу.

— Сейчас в Поднебесной мир и покой, Государь в расцвете сил и добром здравии. Не думайте слишком много, отец.

Кое-что Хэ Гу, прожив жизнь, понимал отчетливо, но не мог сказать отцу в лоб. Например, то, что без него, Хэ Гу, трон под будущим императором мог бы и не устоять. И это не было бахвальством. В прошлой жизни второй принц, Пэй Чжаолинь, боролся с наследником больше десяти лет и проиграл лишь самую малость.

Когда Пэй Чжаолиня зажали на берегу реки Линцзян, новый император уже взошел на престол. Второй принц понимал, что пощады не будет — его либо казнят, либо клеймят мятежником на веки вечные. Признав поражение, он перед смертью лишь хрипло выдохнул: «Брат победил меня лишь по двум причинам. Во-первых, он первенец законной жены, за ним правда. Я же сын наложницы, отец меня не любил. А во-вторых... у него был ты, Хэ Цзыхуань».

Тогда Хэ Гу пришел за его головой по приказу императора. И он лишь усмехнулся в ответ на эти слова. Он расправился со вторым принцем, он же разорил поместье третьего принца. В те дни титулованная знать и гордые книжники — все, кто был замешан в интригах, — бледнели при одном упоминании имени Хэ Гу.

Хоу Хэ был окровавленным клинком в руках императора. Грязным, но смертоносным. Одной из причин его последующей опалы стало именно «убийство членов императорской семьи». Позже он понял: выбрать не ту сторону — смертельно, но какую бы сторону ты ни выбрал, от «грязных ножей» избавляются сразу, как только наступает мир.

Переродившись, Хэ Гу осознал это еще яснее. Он не винил принца, но решил держаться от него подальше. В этой жизни он не хотел быть ничьим оружием. Он хотел быть обычным человеком: жениться на любимой женщине, растить детей и жить легко. А лавры «верного соратника императора» — пусть забирает кто угодно.

Что же до «отвращения к мужчинам» у принцессы... Хэ Гу верил: вода камень точит. Стоит им пожениться, он проявит себя с лучшей стороны, и сердце принцессы оттает.

Пятого числа третьего месяца во дворце начался отбор фума для Старшей принцессы Пэй Чжаоюй. Было отобрано более десяти сыновей столичных чиновников с безупречной

репутацией. Несмотря на гневные взгляды отца, молодой господин Хэ вырядился так, что глаз не оторвать, и преспокойно отправился в путь.

За эти дни Чжэнъе тоже заподозрил неладное. Поведение господина совсем не походило на влюбленность в какую-нибудь городскую красавицу. Напротив, вернувшись из дворца, он с невероятным рвением принялся наводить справки о других кандидатах в списке. Он разве что не заставил слугу разузнать их родословную до восьмого колена.

Хэ Гу хоть и был холостым две жизни, не зная, как ухаживать за девушками, но понимал: отбор фума — это состязание. А в состязаниях он был мастер. Военная наука не прошла даром: «Знай врага и знай себя». В карете по пути во дворец он увлеченно повторял записи на маленьком клочке бумаги, который подготовил заранее.

Чжэнъе вытянул шею и мельком заглянул в шпаргалку. Там каллиграфическим почерком были выписаны данные «врагов»:

«Наследник Бо Жунъюань, Лу Гуйнин. Внешность: выше среднего (но уступает мне); Талант: сносно (но уступает мне); Боевые искусства: так себе (далеко до меня); Чувства к принцессе: неясно.

Второй сын министра финансов, Ван Мучуань. Внешность: выше среднего (но уступает мне); Талант: блестяще (я сильно уступаю!); Боевые искусства: нет; Чувства к принцессе: отсутствуют (далеко до меня)...»

Чжэнъе читал, и перед глазами рябило от бесконечных «уступает мне». Его губы нервно дернулись. Не выдержав, он спросил:

— Господин, вы это серьезно?

Хэ Гу, игнорируя тряску кареты, не отрываясь от списка:

— О чем ты?

Чжэнъе вздохнул. Намерения господина были ясны как день: той «любимой девушкой», о которой он говорил, была Старшая принцесса.

— На вашем листке почти все вам уступают. Зачем тогда так внимательно изучать?

Хэ Гу поднял взгляд:

— Кто сказал, что все?

Он ткнул пальцем в графу Ван Мучуаня, где после слов «блестяще» стояло жирное «я сильно уступаю».

— В словесности мне за вторым братом Ваном не угнаться. Он явно не хочет быть фума, и как только попал в этот список?

Слова замерли на губах — карета остановилась у дворцовых ворот. Едва Хэ Гу собрался выходить, как услышал снаружи насмешливый юношеский голос:

— Кто знает, не сам ли Хэ Гу распустил эти слухи? Если бы Государь действительно выделил его, он бы давно назначил его фума указом, а не заставлял соревноваться с нами!

— Мы все приглашены во дворец. Его Величество не делил нас на сорта и ранги. Разве среди нас нет достойных мужей, статных и талантливых? Пока приказ не оглашен, шанс есть у каждого!

Хэ Гу усмехнулся про себя. Отбор еще не начался, а он уже стал мишенью для всех.

<http://bllate.org/book/15879/1615356>